

Е.Б. Карсалова

Духовно-нравственные ценности русской классической литературы и её роль в системе школьного образования

Литература... Ни один школьный предмет в истории развития отечественного образования не вызывал столько споров, касающихся не только технологии, но и содержания, целей, а в переломные, кризисные моменты жизни общества даже целесообразности его преподавания. Так было, например, в постреволюционные годы, когда литературу пытались лишить статуса самостоятельного учебного предмета и ввести его в рамки обществоведения, чтобы рассмотрение художественных произведений, отобранных весьма тенденциозно, служило лишь иллюстрацией политических, идеологических, социальных тезисов.

Аналогичные процессы происходят и в настоящее время. Соответствующий проект, согласно сообщениям прессы, имеет место хождение в Государственной Думе, некоторые регионы, опережая его рассмотрение, уже выключили литературу как самостоятельный учебный предмет из своих базовых планов. Чем же вызвала такой остракизм «наша гордость», «лучшее, что создано нами как нацией», чьё значение «признано миром, изумлённым её красотой и силой» (М. Горький)?

Образовательная политика «перестроечного» периода, выдвигая тезисы «приоритета общечеловеческих ценностей», «плюрализма», «демократии и свободы личности», построения школы «по чертежам общеевропейского, общемирового дома», имела конечной целью, как это звучало на международной конференции «Развитие образования в России» в Женеве в 1992 году, «создать условия для эволюционной смены менталитета общества через школу» («Педагогика». 1998. № 2). А для этого необходима подмена духовно-нравственных ценностей, разрыв связей с вековыми традициями народа, навязывание чужеродных поведенческих стандартов. Неоднократно отмечалась та негативная роль, которую играет в этом отношении телевидение, внедряя в психику чаще всего на уровне подсознания рекламные эталоны, формирующие чуждый тип мышления, модель суррогатного «счастья», основанного на

внешне благополучном, но бездуховном существовании. Последнее особенно опасно для молодёжи, в силу возраста тяготеющей ко всему яркому, броскому и не имеющей иммунитета против нравственной заразы. Как же в этих условиях уберечь юную душу «от сил насилия и зла» (А. Передреев), освобождения от разрушительных инстинктов, эгоизма и торгашества, взрастить личность, ориентированную не на разрушение, а на созидание, понимающую свою ответственность за судьбы страны и мира в XXI веке? При этом только зарубежные модели образования, чуждые национальному складу ума и души, не могут заменить обращения к отечественным корням, нравственным ценностям своего народа, к тем приоритетам, которые веками созидали и в самые трудные периоды сохраняли нацию, к духовным принципам, закреплённым законами Православия и отражённым в мифологии, фольклоре, но более всего в литературно-художественном творчестве.

Какие же духовные ценности завещаны нам нашей многовековой и самобытной культурой и какие возможности существуют для возрождения и развития их в современной школе?

Одним из коренных свойств, присущих русскому человеку, всегда была любовь к своему Отечеству. «За землю отчич и дедич» выходили на тяжкий бой богатыри, а если оказывались они поверженными в жестокой схватке, если истекли кровью из смертельной раны, то прибегали к последнему средству: припадали к родной земле, и она давала силы на дальнейшие подвиги. «За землю русскую» шли воевать воины князя Игоря, герои военно-патриотических произведений древней русской литературы, персонажи В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого... Нет ни одного русского писателя, для которого тема Родины не была бы центральной.

В традициях русской педагогики рассматривать курс литературы как важнейшее средство гражданского становления. Однако в определённый период появилась тенденция к пересмотру самого понятия «патриотизм», которое стало рассматриваться как устаревшее, идеологизированное, не отвечающее задачам времени. Отчасти этому есть объяснение. И в государственных документах, и в методических пособиях патриотизм трактовался как составная часть коммунистического воспитания, преимущественно как советский патриотизм, со-

ветская национальная гордость. Естественно, изменение социальных ориентиров повлекло за собой пересмотр прежних, казавшихся незыблемыми постулатов. Кроме того, как это нередко бывает при фетишизации каких-либо идей и понятий, задачи патриотического воспитания ставились едва ли не на каждом уроке, что приводило к обратной реакции: скука, неприятие, отторжение, тем более что постепенно патриотизм стал восприниматься не на личностном уровне (моя страна), а на уровне геополитическом (великая огромная держава) и идеологическом, как в песне из популярного кинофильма: «Мы гордимся общественным строем».

Однако в настоящее время вновь проявляется особый интерес к идеям патриотизма в связи с поисками единой национальной идеи, составной, но непременной частью которой он осознаётся. Отсюда и нарастающее внимание к задачам патриотического воспитания, хотя абсолютно ясно: проводить эту работу на основе прежних идеологических стереотипов невозможно. Нужно искать новые принципы, новые пути решения, новые методические подходы.

Из них на первое место поставим отказ от официоза, приводящего к негативным результатам. История последних десятилетий выработала в сознании человека иммунитет к таким категориям, как «общественный строй», «государственная система», от которых веет холодом официальной идеологии, не воспринимаемой сердцем. Напротив, важнейшим принципом работы по патриотическому воспитанию в современной школе мы считаем индивидуально-личностное, эмоциональное, проходящее не только через разум, но обязательно через сердце чувство родной земли, Родины большой и малой. Опору для такого рассмотрения идеи патриотизма мы видим прежде всего в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», где говорится о свойственной русскому человеку «скрытой теплоте патриотизма». Именно так, не путём насильственного насаждения в сознание официальной патриотической идеи, а через слово и образ писателя-патриота, обращение к голосу сердца, к тайникам души, в которой живёт не всегда напрямую осознаваемое чувство Родины, должно осуществляться патриотическое воспитание.

Одним из недостатков решения данной задачи на уроках литературы в советской школе мы считаем нивелирование патриотической идеи в творчестве «хороших и разных» русских писателей, в результате чего она также становилась идеологическим штампом. Но ведь каж-

дый из русских классиков был «воистину индивидуален», личностной окрашенностью отличается и чувство родины в литературных произведениях, начиная от «Слова о полку Игореве», где патриотическая идея является основным смыслом памятника. Творчество А. С. Пушкина, отмеченное вниманием к истории страны, «судьбе человеческой, судьбе народной», в той или иной степени охватывает все грани патриотической идеи – от восхищённого созерцания красоты родной земли до осознания её национально-государственной мощи, концентрирует множество идей, которые впоследствии будут детально разрабатываться русскими писателями.

Неприятие «страны казённой», поэзия народных традиций и вдохновенный гимн «птице-тройке», стремительно несущейся в неведомую даль, в произведениях Н. В. Гоголя; жгучее обличение административно-бюрократических порядков М. Е. Салтыковым-Щедриным, любившим, по его собственным словам, «Россию до боли сердечной»; образ Родины-матери в поэзии Н. А. Некрасова, раздумья о духовных основах народа, который «Вынесет всё – и широкою, ясную // Грудью дорогу проложит себе» – таково индивидуальное проявление патриотического чувства в творчестве некоторых русских классиков. А при изучении поэзии «серебряного века» покажем ученикам тревожно-личностное осмысление А. А. Блоком прошлого, настоящего и будущего родной страны, непростой путь к России Н. С. Гумилёва, М. А. Волошина, М. И. Цветаевой и неизбежную веру в то, что «Россия будет великой» (А. Блок).

Но, говоря о задачах патриотического воспитания, нельзя забывать и о такой черте русского народа, как «всеобщность», «всечеловечность» (Ф.М. Достоевский), отсутствию в нём чувства национальной исключительности. Воспитание самосознания должно сочетаться с формированием уважения к национальным особенностям других государств, чувства братской связи с народами Земли.

Среди высших ценностей, чтимых русским народом, особое место занимает духовность. Это понятие, ставшее в последнее время едва ли не расхожим, трактуется с диаметрально-противоположных, но в равной степени более чем спорных позиций. С одной стороны, духовность приравнивается к интеллектуальности (в лучшем случае) или в массовом варианте – культурному досугу: кино, телевидение, видео-, вплоть до элементов «поп-арта». В каче-

стве альтернативной точки зрения под духовностью понимается религиозность, причём опять-таки в разных ипостасях: от веры в Бога до разговоров на теологические темы и не частого посещения церкви – не из убеждений, а, как правило, по конъюнктурным соображениям.

Между тем истинное понимание духовности даёт нам великая русская литература, русская философия рубежа эпох. Писатели-классики собственной жизнью и примерами становления своих героев показали, а религиозные философы, многие из которых были ещё и тонкими литературными интерпретаторами (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, И.А. Ильин), помогают осмыслить понятие духовности как «самосозидание», «самосотворение», напряжённый процесс «делания» собственной души, нелёгкая «дорога к Храму» – не обязательно в чисто религиозном смысле. Духовность как поиски высшего (не карьера, материальное благополучие) смысла существования, внимание не к быту, но к бытию – важнейшее качество русской классической литературы, которая, в отличие от западных, стремилась показать не внешнюю жизнь своих героев, а процесс обретения ими себя. И помочь сегодняшним старшеклассникам, завтрашним гражданам XXI века в их нелёгкой душевной работе могут раздумья над становлением личности, обретениями и ошибками героев в произведениях писателей-классиков. У каждого из них свой поворот проблемы: приоритет внутренней, душевной жизни, неприятие делячества, прагматизма, сердечная чуткость у внешне несуразного и беспомощного перед бытом лежебоки Обломова; высота духовных запросов и стремление рационалистически «выстроить» свою жизнь у А.Болконского; жажда «быть вполне хорошим» и мысли о том, «чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться ... и вечно бороться и лишаться», у П. Безухова; путь к праведничеству у И. Флягина; подчинённость ложной идее и проверка этой идеи жизнью, ведущая к гибели (Е. Базаров) или к воскресению (Р. Раскольников); утрата всяких духовных ценностей, моральная и физическая деградация (Д. Старцев).

Ещё одной возможностью показать нелёгкую «дорогу к Храму» является внимание к становлению личности великих русских художников слова, жизненный и творческий путь которых можно назвать служением, подвигом («Подвиг честного человека» – так сказал А. С.

Пушкин о создании «Истории государства Российского» Н.М. Карамзиным). Но оба эти слова как-то не сочетаются в нашем сознании с личностью самого А. С. Пушкина, двухсотлетний юбилей которого мы отметили. Вероятно, нет другого русского художника, которого читатели любят и знают как «живого, а не мумию», без хрестоматийного глянца, чей жизненный путь в той или иной степени подробности со школьной скамьи был бы известен каждому. Но достаточно ли мы уделяем внимания не внешним событиям, а внутреннему, духовному росту этого великого человека?

Пушкин как поэт развивался стремительно. За первые годы творческого пути он блестяще освоил выработанные до него литературные нормы, школы, направления: классицизм, барокко, сентиментализм, неоклассицизм, предромантизм. До 1820 года (начало южного периода жизни и творчества) поэт проделал литературный путь, равный примерно двум векам. Столь же стремительным было овладение романтическим стилем, для чего оказалось достаточным четырёх лет. Увлечение Байроном началось во время путешествия с семьёй Раевских по Крыму и Кавказу, стихотворение «К морю» и поэма «Цыганы», которые считаются «прощанием с романтизмом», завершены в Михайловском в 1824 году. Впоследствии Пушкин, если и обращался к романтизму, то преимущественно с ироническим знаком: «Так он писал, темно и вяло, // Что романтизмом мы зовём...» Каноны романтизма скоро оказались узкими и тесными, поскольку поэт перерастает не только эстетические, но и мировидческие принципы этого литературного направления: гипертрофированная сосредоточенность на собственной личности, отсутствие широты и многомерности в восприятии жизни, напряжённая экспрессия, дающая оптимальные возможности для отражения лишь экстремальных обстоятельств жизни.

Душевно и творчески пережив всё, что накопила к тому времени мировая литература, великий поэт стремительно рванулся вперёд, опередив своё время, открыв то, чему ещё не было названия, что сам Пушкин именовал «истинным романтизмом» и что спустя двенадцать лет после смерти поэта критик эстетического направления и один из первых профессиональных биографов Пушкина П.В. Анненков назвал реализмом.

Но формирование поэтического гения, обретение «союза волшебных звуков, чувств и дум» неотрывно от становления личности, ду-

ши. Вспомним строку, обращённую к А.А. Дельвигу, из стихотворения» 19 октября (1825г.): «Ты гений свой воспитывал в тиши» (подчёркнуто нами – Е. К.). Мысль о воспитании, точнее самовоспитании пушкинского гения, на первый взгляд, кажется несовместимой с его личностью, тем более что в том же стихотворении поэт писал о себе: «Свой дар как жизнь я тратил без вниманья». Но лёгкость и естественность, свойственные гению, не должны закрывать огромной душевной работы, совершённой Пушкиным. Известно, что великий русский национальный поэт заговорил по-французски раньше, чем по-русски, что в родительском доме и в Царскомсельском лицее царил дух вольтерьянства и изящного гедонизма западного образца, внедрялись идеи, весьма далёкие от национальных основ. И процесс саморазвития личности Пушкина можно обозначить как преодоление этой наносной, не имманентной личности оболочки и возвращение к национальным корням.

В 1830 году Пушкин пишет незаконченное стихотворение:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

В черновом варианте стихотворение имело окончание:

*На них основано от века
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

В удивительно ёмком слове «самостоянье» «читается» множество смыслов: внутренняя независимость, чувство собственного достоинства, наличие убеждений, не заёмных, расхожих, определяемых модой или конъюнктурой, а выработанных совестью, и непреложное следование им. Но первая строфа ещё более расширяет значение слова: ощущение себя частицей мира, органически вписывающее человека в бытие Природы, Семьи, Дома, Народа, Истории. Это мироощущение, присущее русской ментальности, давало поэзии Пушкина при всей её внешней лёгкости и простоте поразительную философскую глубину.

Пушкин первым из русских гениев не только осознал себя пророком, но показал «механизм» обретения великого профетического дара. Изначальное и неперемное условие его выражено в первой строке программного стихотворения:

Духовной жаждою томим...

Только жажда духовности, нелёгкие, иногда мучительные поиски её и, наконец, обретение позволили поэту услышать в душе «Бога глас», осознать свою вестническую миссию:

*«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

И всё творчество А. С. Пушкина последних периодов исполнено глубины в осмыслении русской истории («Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник», «Капитанская дочка»), духовных основ личности («Татьяны милый идеал», Пугачёв, Мироновы, Гринёв, герои «Повестей Белкина», сказок), гордостью и ответственностью национального самосознания, что, на наш взгляд, ярче всего выражено в письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года: «... клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков...».

А.С. Пушкин, «русский человек в полном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» (Н.В. Гоголь), собственной личностью и образами своих любимых героев показал основы русской национальной ментальности, осмысление которой затем продолжили Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, некоторые современные писатели и поэты (В.М. Шукшин, В.Г. Распутин, В.И. Белов, Н.М. Рубцов, В.Н. Соколов и другие), а также русские и зарубежные философы: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, В. Шубарт.

Появившееся в последние годы обилие литературы, раскрывающей духовно-нравственные ценности национального сознания, освобождает нас от необходимости подробного их рассмотрения, поэтому только назовём ещё не отмеченные нами приоритеты: слиянность с природой, стремление к «ладу» – гармонии с собой, миром и другими людьми, критерий разумной достаточности в потреблении, общинность сознания, тяготение к жизни «миром», открытость, доверчивость, искренность, гостеприимство... Нет ли в этом перечислении идеализации национальной ментальности? Но кто как не русские писатели самокритично, беспощадно честно говорили о нелюбви русского человека к регулированию, норме, о его «безмерности в мире мер» (М.И. Цветаева), склонности к авраамам вместо ровного, размеренного труда, взлётах и падениях, нередком отсутствии самоконтроля и самодис-

циплины. Эти недостатки необходимо учитывать в организации учебного процесса, приучая детей с начальной школы к системной деятельности, планированию своего труда, чёткости в оформлении его результатов. Некоторые коррективы было бы желательным внести и в содержание литературного образования. Мы полагаем необходимым гораздо шире знакомить школьников с произведениями, раскрывающими нравственные ценности народа, а значит способными формировать душу юного человека: сказками, мифами, произведениями П.П. Ершова, П.П. Бажова, С.Т. Аксакова, А. Мельникова-Печёрского, Н. Гарина-Михайловского, И.С. Шмелёва, Б.К. Зайцева, М.М. Пришвина.

«Чувства добрые» русской литературы, глубокий анализ проявлений человеческой души в разных жизненных обстоятельствах, внимание к становлению личности помогают формированию нравственной культуры, умения лучше понимать и оценивать себя и других, облегчают поиски своего места в этом непростом мире. Чтение хороших книг и размышления над ними, позволяя проходить вместе с героями разные жизненные испытания, сопереживая им, дают крупинки жизненного опыта, нравственные ориентиры. Вспомним прекрасное пушкинское «Я вас любил...». Это поэтическое расставание с любимой, последний мысленный разговор с ней. Когда разлука неизбежна, а любовь в душе «угасла не совсем», в неразвитом человеческом сознании, сосредоточенном только на себе, возможны и испугающее страдание, и ревность, и даже месть. Не то пушкинский человеческий гений. Прибегнем к элементарной арифметике. Подсчитаем количество местоимений «Я» («мне», «меня») и «Вы» («Вам», «Вас»), и окажется, что слов второго ряда в стихотворении, начинающемся с «Я» и представляющем собою, как и любое лирическое произведение, «выплеск» собственных чувств, – больше. Не только о себе, но и о Себе и о Ней думает лирический герой в непростые минуты жизни. И не может ли случиться так, что, будучи востребованным сознанием на трудном, критическом изломе жизни, пушкинские строки

Я вас любил так искренно, так нежно,

Как дай вам Бог любимой быть другим. – помогут смягчить душу, стать ориентиром в нравственном поведении?

Конечно, для этого надо, чтобы пушкинские стихи были не только «пройдены», но пережиты, оставили след в сознании и памяти. Не потому ли один из выдающихся русских педа-

гогов-гуманитариев А. Д. Галахов требовал, чтобы выпускники гимназий знали наизусть не менее 150 стихотворений и отрывков только А.С. Пушкина? Так формировалась великая нравственная «хрестоматия» сознания, воздействовавшая на весь духовный мир личности и в какой-то мере влиявшая на её поведение в юности, да и во взрослости, ведь глубина и мудрость некоторых строк, не осознанная до конца в школьные годы, может засветиться новым светом в особых жизненных обстоятельствах.

Сейчас всё большим количеством людей осознаётся, что только логическое мышление, «ум ума» не может дать человеку гармонии и счастья, будь он даже, что называется «семи пядей во лбу». Нередко у самых «высоколобых» возникает «синдром Чацкого»: «ум с сердцем не в ладу». А «ум сердца»: душевную чуткость, пронизательность, интуицию – тоже формируют размышления над русской классикой.

Но в сфере её прямого действия не только традиционные нравственное, эстетическое воспитание. Даже сравнительно новые направления образования и воспитания для их успешной реализации нуждаются в подтверждении опытом русской литературы. Например, экологическое, приоритетное значение которого осознаётся лишь в последние полтора – два десятилетия. Сформировать «экологически чистое» человеческое сознание невозможно только на логическом уровне. Народному духовному опыту был свойствен, а в мифологии, фольклоре, литературе отражён космоцентризм мышления русского человека, ощущение себя частью природы, а отсюда благоговейное отношение к земле и всему сущему, стремление творить вокруг себя быт по законам мироздания, ощущая свою слитность с космосом, красоту и гармонию мира.

Наконец, язык. Утрата речевой культуры, глубокого, меткого, образного русского слова не только в обыденном обиходе, в политических дебатах, но и на радио, телевидении, в прессе, которые должны быть носителями речевого эталона, нормы, образца, вызывает всё большую тревогу. Наш «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык», данный «великому народу», сбережение которого во все времена ассоциировалось с сохранением Родины (вспомним стихотворение А. А. Ахматовой «Мужество», написанное в огненном феврале 1942 года, где звучит святая уверенность-клятва:

И мы сохраним тебя, русская речь,

*Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!),*

этот «клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками», сейчас нуждается в защите. Как же передать детям чистоту и богатство языка? Средство одно: русская классика, носительница лучших образцов языковой традиции, прекрасного владения словом. Бережное неторопливое чтение, расширение словарного запаса включением в речь ярких авторских слов и выражений, близкие к тексту переказы, подражание прекрасным образцам способны формировать не только языковую культуру, но и столь дефицитную культуру общения, которой блистательно владели герои русской классики.

Какова стратегическая задача современной системы образования? Ответ на этот вопрос напрямую зависит от того, какое общество мы в конечном итоге создаем. Если послушное «стадо», «беспорный и согласный муравейник» (Ф. М. Достоевский, гл. «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы»), который за кусок хлеба покорно положит свою свободу к ногам сильных мира сего, основывающих свою власть «на чуде, тайне и авторитете», то путь к этому провидчески показан тем же великим пророком земли русской Ф. М. Достоевским в романе «Бесы»: «Меры, предлагаемые ... для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений (подчёркнуто нами – Е. К.) – весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны»: «Все рабы и в рабстве равны ... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов ... Не надо высших способностей. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат...»

При всей парадоксальной заострённости этого прогноза он может стать достаточно реальным, если целенаправленно воздействовать на человеческое сознание, разрушая здоровые механизмы, заменяя истинные ценности на мнимые, наконец, прибегая к зомбированию. Для гармоничного развития полушарий головного мозга, отвечающих за логическую и эмоциональную сферу сознания, в период становления личности необходима их равномерная нагруженность, что обеспечивается адекватным изучением предметов физико-математического и гуманитарного циклов с приоритетом в по-

следнем родного языка и родной литературы. Любой перекокс, нарушение «золотого сечения» может привести к отклонениям в развитии, серьёзным психическим сдвигам, наконец, к дебилизации, эффективному средству превращения в «стадо».

Несколько десятилетий назад хороший советский поэт Б. А. Слуцкий написал:

*Интеллигентнее всех в стране
Девятиклассники,
Десятиклассники:*

*Ими
только что прочитаны классики
И не забыты ещё вполне.*

С тех пор, как неоднократно и с большой тревогой отмечалось нашей общественностью, уровень интеллектуального развития молодёжи заметно понизился, что в значительной мере связано с падением культуры чтения, снижением качества школьного преподавания вообще и преподавания литературы в частности.

Великая русская литература часто выступала в качестве не только духовного учителя, но и духовного врача. Если попытаться, пользуясь её уроками, поставить диагноз нашему времени, он может звучать примерно так: «Острая духовно-нравственная недостаточность». И где найти не только «горькие лекарства, едкие истины», бьющие наповал средства «шоковой терапии», но и такие, которые способны бережно и постепенно влиять на больной организм, пробуждая в нём вкус к добру, благородству, порядочности, гармонии, красоте?

Рецепт: «Русская классика».

М. С. Жихарев

К вопросу о духовных истоках кризиса российского общества

Часть I

Глубокий всесторонний кризис, переживаемый нашим обществом, с естественной необходимостью побуждает как к осознанию подлинной основы тех политических комбинаций, которые разыгрываются перед нами в эшелонах власти, так и к теоретическому осмыслению более глубинных процессов, которые привели могучую в прошлом державу на грань катастрофы.

Ответы на вопросы о том, почему XX век